ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 19.09.2025 | Нильс Хегевиш & Алексей Юсупов

Броманс по расчету

Китай и Россия демонстрируют единство. Но на самом деле их «партнерство без ограничений» – хрупкий союз, полный недоверия.

В «День победы» Народно-освободительная армия Китая демонстрировала на площади Тяньаньмэнь самое современное оборудование и отрепетированные маршевые построения, а глава государства и партии Си Цзиньпин с почетной трибуны восхвалял свою дружбу с президентом России Владимиром Путиным. За несколько дней до этого на саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Тяньцзине они подтвердили свое стремление перестроить мировой порядок. В частности, нужно положить конец гегемонии Запада во главе с США, а Глобальному Югу предоставить больше прав, возможностей для развития и гарантий безопасности.

В основе этих глобальных амбиций лежит «партнерство без ограничений», о котором Китай и Россия договорились за несколько дней до российского вторжения в Украину в феврале 2022 года. Это не просто слова, о чем свидетельствуют более 40 личных встреч Си и Путина с 2013 года – рекорд в международной дипломатии. Объем торговли в 2024 году достиг около $245 млрд, что почти вдвое больше, чем до пандемии коронавируса. Сегодня Китай является важнейшим торговым партнером России. Китайский экспорт (от автомобилей до электроники) заполняет пустоту, образовавшуюся из-за западных санкций. Россия, в свою очередь, обеспечивает Китай дешевой нефтью. Совместные военные учения также проходят все чаще.

Для углубления партнерства на полях саммита ШОС было заключено более 20 новых соглашений о сотрудничестве в различных сферах – от сельского хозяйства до искусственного интеллекта. Кроме безвизового режима для российских граждан, символическим стало заявление о начале реализации проекта газопровода «Сила Сибири – 2», который планировали много лет. Председатель Газпрома Алексей Миллер пообещал поставлять 50 млрд кубометров в год – объем, сопоставимый с «Северным потоком – 1» и

«Северным потоком – 2».

Итак, на первый взгляд Китай и Россия серьезно настроены на «партнерство без ограничений». Однако уже в планах, касающихся газопровода, заметны разногласия. Пекин долго медлил с реализацией этого проекта из-за страха зависимости и споров о цене. Причиной его возобновления является слабая переговорная позиция России: Москва срочно нуждается в альтернативах европейскому рынку и привлекает Пекин большими скидками. Для Китая этот проект полезен, но отнюдь не жизненно необходим.

Это проявляется, в частности, в торговле, которая, несмотря на все достижения прошлых лет, до сих пор асимметрична и далеко не так продуктивна, как могла бы быть. Стороны создают препятствия друг другу: Москва защищает собственную промышленность импортными пошлинами на китайские автомобили, а Пекин в значительной степени ограничивает российский финансовый сектор.

На социальном уровне партнерство тоже не слишком глубокое. Масштабы культурного обмена, туризма и научного сотрудничества незначительны, к тому же стороны культурно очень разные и исторически не доверяют друг другу. Службы безопасности с подозрением относятся к контактам, а слишком тесные отношения с соседней страной становятся поводом предполагать шпионаж.

На социальном уровне партнерство тоже не слишком глубокое

Впрочем, общее между Пекином и Москвой есть: непризнание гегемонии США. Китай отмечает, что администрация Трампа ведет себя агрессивно даже с союзниками Америки. Для Пекина это доказательство лицемерия международного порядка, якобы основанного на ценностях и правилах. Вашингтон использует свое глобальное влияние, чтобы сдерживать развитие Китая. Что касается России, она считает себя конкурентом США и их партнеров за господство в Европе и нуждается в любой поддержке. Поэтому партнерство с ней для Китая логично.

Но речь идет не об альянсе по типу НАТО, а лишь о совпадении интересов. Общего долгосрочного видения партнерства и будущего мирового порядка, которое выходило бы за пределы противостояния с США, нет. Китай хочет обратить нынешний международный порядок в свою пользу, Россия же стремится его

уничтожить.

При этом на периодические попытки правительства Трампа сблизиться с Россией, как, например, во время недавнего саммита на Аляске, Китай смотрит спокойно. Он уверен, что тактик Путин стремится не к настоящей дружбе, а к тому, чтобы вбить клин между Западом и Китаем, а также продемонстрировать свободу действий. Трамп же, по мнению Пекина, хочет иметь доступ к сырью и новым сферам влияния и руководствуется идеей фикс получить Нобелевскую премию мира. Но всего этого недостаточно, чтобы вырвать Россию из сферы интересов Китая.

Блестящая витрина китайско-российского согласия скрывает глубокие трещины. В случае смены руководства в Москве или окончания войны в Украине российские элиты могут немедленно снова переключить внимание на Запад. Кроме того, четкое распределение ролей – Пекин главный, Москва подчиненная – противоречит имперскому самосознанию России. Китай, в свою очередь, продолжает рассматривать гораздо более привлекательный европейский рынок и ослабление трансатлантического альянса путем сближения с Европой. Есть и другие потенциальные источники конфликтов, такие как рост национализма, давние пограничные споры, геополитическая конкуренция в Центральной Азии и Арктике, а также все более тесные отношения Москвы с Северной Кореей.

Поверхностность российско-китайского союза можно объяснить историческими факторами. Отношения между этими государствами на протяжении многих веков характеризовались пограничными конфликтами, царская империя неоднократно завоевывала китайские территории. Коммунистический союз после 1949 года тоже вскоре распался из-за идеологических разногласий и открытых пограничных столкновений. После распада Советского Союза произошла осторожная нормализация отношений. Но более или менее активную пророссийскую политику Китай стал проводить только в новом тысячелетии на фоне нарастания конкуренции с США.

Лучше всего хрупкость китайско-российских отношений видна при рассмотрении вопроса войны в Украине. За закрытыми дверями китайские эксперты расценивают российское вторжение как стратегическую ошибку. Согласно распространенному мнению, Москва хотела с помощью короткой «спецоперации» исправить асимметрию в партнерстве с Китаем. Но после провала Россия стала более зависимой от Китая, чем когда-либо.

За закрытыми дверями китайские эксперты расценивают российское вторжение как стратегическую ошибку

Для Пекина это дилемма: победа России противоречила бы стремлению Китая соблюдать Устав ООН, а также лишила бы Китай преимуществ, которые он имеет, пока Россия слаба. С другой стороны, результатом поражения России может стать нестабильность на общей границе, потеря контроля над российским ядерным оружием и возникновение очагов трансграничного терроризма. «Пророссийская нейтральность» Китая, который дипломатически поддерживает Москву и одновременно поставляет товары двойного назначения обеим сторонам, не решает эту дилемму, но позволяет выиграть время. Есть также приятный побочный эффект: США на время войны в Украине привязаны к Европе, поэтому не интересуются Индо-Тихоокеанским регионом.

Пекин не устает подчеркивать свою заинтересованность в скорейшем мире в Украине, но всерьез на это не рассчитывает почти никто. По оценкам, обе стороны конфликта продолжают верить в победу на поле боя. При этом военная экономика Путина оказалась устойчивой, а поддержка Киева со стороны Запада слишком велика, чтобы проиграть, но слишком мала, чтобы победить. Хаотичные инициативы США не вызывают доверия. Китай считает, что война продлится еще минимум один-два года.

Поэтому Китай предостерегает Европу от «украинизации» отношений с ним, считая, что война не должна блокировать сотрудничество. Европа же критикует Китай за поддержку российской атаки на европейский мирный порядок, то есть нарушение ее базовых интересов. Пекин это категорически отрицает: он до сих пор является крупнейшим торговым партнером Украины, не признал ни аннексию Крыма, ни дальнейшие территориальные претензии России, а также не разделяет российскую версию о превентивной войне (якобы для предотвращения окружения со стороны НАТО). По мнению Пекина, хотя Запад и нарушил легитимные интересы России в области безопасности, это не является оправданием для военной агрессии. Насколько стороны не понимают друг друга, показал безрезультатный саммит ЕС – Китай в июле 2025 года.

Поэтому не стоит ждать от Китая весомого вклада в перемирие или

мир. Пекин возлагает ответственность на стороны конфликта, а также на США и ЕС. От участия в восстановлении Украины и обеспечении мира Китай тоже уклоняется, объясняя это логистическими, финансовыми и, не в последнюю очередь, политическими трудностями.

В то же время Китай вообще не исключает, что может больше заинтересоваться Украиной. Но для того, чтобы отвлечься от России, ему нужно нечто, что позволит не проиграть конкуренцию с США. Если Брюссель согласится на такой транзакционный подход, вместо моральных оговорок он должен будет предложить углубление экономических отношений, отмену торговых барьеров и большую «стратегическую автономию» от США. Сейчас не многие готовы платить такую ⊠⊠цену.

Так называемая ось автократов на самом деле представляет собой прежде всего притворный броманс между Си и Путиным. При слишком символической политике они скрывают отсутствие общественной поддержки и общей идеологии. Поэтому Европе не стоит верить разговорам о непреклонном союзе, а следует признать сложность китайско-российских отношений и стратегически обернуть ее себе на пользу.

Нильс Хегевиш

Д-р Нильс Хегевиш (Niels Hegewisch) - специалист по Китаю и геополитике в азиатском отделе Фонда им. Фридриха Эберта (FES) в Берлине. Ранее он возглавлял офисы FES в Монголии и Пакистане.

Алексей Юсупов

Берлин

Алексей Юсупов (Alexey Yusupov) – руководитель Российской программы Фонда им. Фридриха Эберта. Ранее он возглавлял Представительства Фонда в Мьянме, Афганистане и Казахстане. Он также работает политическим консультантом и модератором.